

Очерк по материалам судебного дела Вологодского уездного суда о несостоятельности дворянки Елизаветы Белавиной

Светлана Николаевна Чапарова,

начальник отдела обеспечения судопроизводства Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда

В начале XIX века Россия принадлежала к числу стран, которые признавали два вида несостоятельности: торговую и неторговую. «Конечно, говорить о несостоятельности торговой или неторговой несколько неправильно, потому что несостоятельность, как состояние имущества, всегда представляет одно и то же, но конкурсное производство и конкурсное право, действительно, могут отличаться, смотря по тому, имеют ли они место среди торговых отношений или общегражданских»¹.

Впервые о неторговой несостоятельности в России заговорили с принятием Устава о банкротах от 19 декабря 1800 г.² (далее — Устав, Устав о банкротах). Его первая часть «посвящена торговой или, вернее, купеческой несостоятельности, вторая содержит много постановлений относительно вступления дворян в обязательства, а также несостоятельности этих лиц»³. Согласно Уставу, «банкротом признается тот, кто не может сполна заплатить своих долгов, следовательно, в основании понятия о несостоятельности лежит неоплатность, недостаточность имущества на покрытие всех долгов»⁴. Для неторговой несостоятельности в Уставе приводится схожее понятие: «Когда дворянин или чиновник покажет или и без

того известны сделаются многия на нем незаплаченные обязательства и взыскания, уравнивающие или превосходящая все известное его имение»⁵.

При этом нормы, регулирующие банкротство дворян, отличались от норм, посвященных банкротству иных лиц в условиях признания несостоятельности, порядке конкурсного производства и наказания банкротов разных социальных слоев.

Разница между торговой и неторговой несостоятельностью формально выразилась и при издании Свода законов 1832 года⁶: «Положения о торговой несостоятельности нашли свое место во 2 части XI тома, тогда как касающиеся неторговой несостоятельности — во 2 части X тома»⁷.

При словесном дроблении судебных учреждений подсудность конкурсных дел была также раздроблена: «Дела о несостоятельности купцов производились в магистратах и ратушах, о несостоятельности дворян — в уездных судах и губернских правлениях, дела крестьян — в крестьянских судах. С учреждением коммерческих судов дела о торговой несостоятельности были отнесены к их ведомству»⁸.

В музейном уголке Четырнадцатого апелляционного суда представлены копии из материалов дела, рассмотренного Вологодским

¹ Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. Казань, 1898. С. 97.

² Текст документа доступен в СПС «Гарант».

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Текст документа доступен в СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 71.

⁸ Мальцев К. Курс гражданского судопроизводства. СПб., 1879. С. 231.

уездным судом, о неторговой несостоятельности дворянки Елизаветы Белавиной. Подлинный экземпляр дела хранится в Государственном архиве Вологодской области.

Стоит отметить, что судебный процесс по делу длился на протяжении 17 лет. Так, на обложке дела значится: «Начато 22.01.1841 г.; кончено 23.01.1858 г.; на 904 листах». Дело сформировано с описью «учиненных» в нем записей, на представленных в суд документах (а это многочисленные ходатайства, прошения, отношения, претензии и жалобы кредиторов) имеются отметки служащих канцелярии о датах их поступления. Обращает на себя внимание и тот факт, что при изложении обстоятельств дела употребляются слова и формулировки, активно используемые в современных судебных актах.

К сожалению, до наших дней сохранились не все страницы дела (чуть более 300), остальные, предположительно, утеряны. При его изучении вызывает затруднение и само прочтение написанных от руки документов, но все же работа пробуждает неподдельный интерес — интерес к процессу и к лицам, участвовавшим в нем.

Итак, в общем присутствии Вологодского уездного суда и Городового магистрата рассматривалось дело о взыскании с генерал-лейтенантши Елизаветы Белавиной и внука ее поручика Григория Граве разными лицами по заемным письмам денег, а именно: «Действительным статским советником Дмитрием Самариним 10 000 рублей, кол-

лежским ассессором Григоровичем 24 000 рублей, вологодскими купцами Афанасием Витушешниковым 16 200 рублей, Кутайсовым 3500 рублей; всего 53 700 рублей». Как указал суд в справке, направленной в Вологодскую гражданскую палату, «Белавина и Граве оказали себя несостоятельными к платежу денег, занятых по обоюдным оборотам у разных лиц, о несостоятельности первой заверил также и Самарский уездный суд»⁹. Предоставленное Граве имущество суд посчитал недостаточным для покрытия долгов.

Недостаточность имущества в свою очередь являлась основанием к открытию конкурсного производства по неторговой несостоятельности. Удостоверение недостаточности имущества требовало оценки его актива и пассива. При этом разбросанность имущества должника осложняла сбор сведений о его существовании, а проверка пассива была невозможна без содействия кредиторов в определении величины долгов.

В данном случае для оценки имущества должников суд произвел следующие действия:

— «о вызове кредиторов и должников Граве (первых с представлением долговых актов, а последних — с платежом заемных денег) было пропечатано в С.-Петербургских ведомостях 6, 9 и 13 числа декабря 1838 года № 97, 98 и 99 (но в течение положенного срока, кроме вышеописанных лиц, никто не явился);

⁹ Лист дела 157 (оборот).

— до истечения срока вызова и до совершенного окончания дела принадлежащее Граве имущество движимое и недвижимое, где какое окажется, может быть наложено по представлению сего суда»¹⁰ (предположительно был наложен запрет, означавший невозможность свободного распоряжения имуществом до уплаты долга).

Публикация сведений об открытии несостоятельности возлагала на кредиторов и должников банкрота обязанность подать заявление в суд (конкурс): в течение 3 месяцев для лиц, находящихся в том же городе, 9 месяцев — для лиц, находящихся в других городах или европейских местах, и 18 месяцев — для лиц, находящихся в других частях света. Кто пропускал этот срок, лишался всех своих требований¹¹.

В розыске имущества должников активное участие принимали и сами кредиторы. В рассматриваемом деле кредитор Самарин в своем прошении ссылался на несостоятельность Белавиной, подтвержденную Самарским уездным судом, и указывал на имущество Граве в Нижегородской губернии.

Необходимо отметить, что и роль суда в конкурсном производстве XIX века являлась весьма значительной. В материалах дела отсутствует какое-либо упоминание о назначении присяжного попечителя¹², поэтому, очевидно, в обязанности суда входило, помимо основных обязанностей по закону, и составление описи имущества должников, и общее управление им, а также составление примерного расчета удовлетворения требований кредиторов.

В данном случае после выполнения возложенных на суд обязанностей «Вологодский уездный суд решительным определением, состоявшимся 22 марта 1842 года, признал претензии купцов Витушешникова, Кутайсова, Григоро-

¹⁰ Листы дела 67, 158.

¹¹ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 68.

¹² Присяжные попечители назначались для первоначального распоряжения и охранения имущества по делам несостоятельных должников.

вича и Самарина с интересами правильными»¹³. Поскольку из отношения Самарского уездного суда следовало, что «имение Белавиной продано за поступившие на нее казенные и партикулярные долги (и более в виду не имелось), долги за ее несостоятельностью к платежу искомых пошлинных денег»¹⁴, было приказано возложить на имение поручика Граве, которое «состояло в Нижегородской губернии Горбатовского уезда в деревне Оринкино в количестве писанных по 8 ревизии 102 мужеска пола души с присоединением на полное их удовлетворение»¹⁵.

По сообщению Нижегородского правления от 27 марта 1845 г., «описанное у поручика Григория Граве имение было оценено в 9600 рублей серебром. Продано с публичных торгов объявившей наивысшую цену (13 050 рублей серебром) поручице Вере Виноградовой. Сумму за имение г-жа Виноградова внесла билетами и наличными деньгами: билет Санкт-Петербургского коммерческого банка, данный 9 июня 1844 года, в 3000 рублей серебром, билет Сохранной казны Московского опекунского совета, данный на имя неизвестного лица 26 февраля 1841 года на сумму 7598 рублей 30 3/4 копейки серебром и деньгами 1119 рублей 3 3/4 копейки серебром. К упомянутым билетам причитались проценты»¹⁶.

В ходе конкурсного производства оказалось, что 62 души из имения Граве находились в залоге Московского опекунского совета. «Поскольку данное имение состояло в залоге, по содержанию 10 тома Устава кредитных установлений 236 статьи, лежащий на этом имении долг признан судом подлежащим к погашению капитала и процентов»¹⁷. «Из вырученных денег в Вологодский уездный суд прислано наличными 1087 рублей и билет в 3000 рублей серебром. На-

личные деньги по резолюции сего суда направлены на приращение процентами в Вологодский приказ общественного правления»¹⁸. В конкурсную массу были также включены заемные письма на сумму 17 000 рублей, выданные Граве генерал-лейтенантом Дмитрием Шепелевым. Согласно последним записям в деле по состоянию на 23 августа 1846 г. размер денежных претензий к Белавиной и Граве составил 15 324 рубля 85,5 копейки.

Как следует из материалов дела, на определение Вологодского уездного суда Белавина подала апелляционную жалобу в Вологодскую палату гражданского суда. Стоит отметить, что «наступление последствий, соединенных с объявлением несостоятельности, жалоба не оставалась»¹⁹.

В жалобе Белавина указала на следующее.

1. В отношении долга перед купцом Витушешниковым Белавина ссылалась на уплату 8000 рублей, в подтверждение чего представила расписку. В свою очередь купец в объяснениях написал: «В число должной ему суммы по письму Белавиной не получил он уплату не только 8000 рублей, но даже ни одной копейки, представленная же расписка кем писана и кто вместо его под одной подписался — ему совершенно не известно».

В разрешение спора было получено через секретарей и протоколистов свидетельство (можно предположить проведение почерковедческой экспертизы), по которому оказалось, что «почерк письма в рукоприкладстве под распиской в 8000 рублей не только не имеет сходства ни в литерках по частям, ни в характере вообще с подписями Витушешникова, учиненными под прошением и объяснениями. К тому же в последствии из обстоятельств открылось, что купцом означенное заемное письмо взято за купленный поручиком Граве сахар, который он вместо того чтобы отправить в содержимый им откуп увез в

Москву и продал купецким братьям Усачевым»²⁰.

На основании Свода законов гражданских 1330, 1463, 1468 в продолжение 1770, 1771, 1772 статей издания 1832 года данный довод апелляция отклонила.

2. Долг перед купцом Кутайсовым Белавина отрицала, ссылаясь на то, что «такой суммы у купца наличными деньгами никогда не брала, а заемное письмо дано за услуги по разным делам. Между тем при отъезде Белавина уплатила купцу 750 рублей, в уплату коих, как указала, имеет расписку, но по случаю переезда найти оной не могла»²¹.

Согласно тому X Свода законов гражданских 999, 1331, 1347 в продолжение 1348, 1349 статей издания 1832 года этот довод также не принят во внимание апелляцией.

3. Относительно долга перед титулярным советником Григоровичем Белавина подтвердила, что «заемные письма подписаны собственноручно ее рукою, но платить денег она не обязана»²².

4. По претензии Самарина «Белавина хотя и не изъявила совершенного спора, но от платежа отказалась за неимением наличных денег»²³.

В то же время Самарин доказывал, что «заемное письмо взято вместо наличных денег по контракту за поставленное вино для содержания Граве Каргопольских и Пудожских питейных сборов. Самарин объяснил, что Граве, имеющий питейные откупы в Олонецкой губернии, в феврале 1835 года сделал с ним контракт на покупку 4000 ведер вина с доставкой в сборы. Вино в назначенное время направлено, но когда следовало получить с Граве деньги 10 000 рублей, Граве заверил, что сборы он передает бабке своей Белавиной, просил на самое краткое время взять за купленное вино заемное письмо, на дачу которого и Белавина учинила согласие. Из переписки между Самариним и

¹³ Лист дела 161 (оборот).

¹⁴ Лист дела 159.

¹⁵ Листы дела 67, 67 (оборот), 68.

¹⁶ Лист дела 63.

¹⁷ Лист дела 162 (оборот).

¹⁸ Лист дела 68.

¹⁹ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 301.

²⁰ Лист дела 152.

²¹ Листы дела 153, 153 (оборот).

²² Лист дела 154 (оборот).

²³ Лист дела 156.

Граве также усматривается точное со стороны Самарина к контракту исполнение»²⁴.

Эта претензия, «как сделанная обоюдными Граве и Белавиной оборотами, сопряженная с обманом по несостоятельности Белавиной, по мнению апелляции, также была законно отнесена на имя Граве»²⁵.

По результатам рассмотрения апелляционной жалобы Вологодская палата гражданского суда 26 августа 1846 г. постановила: «Претензии купцов Витушешникова, Кутайсова, Григоровича и Самарина признаны правильными, сделаны они при умышленных действиях поручика Граве, сопряженных даже с обманом и разорением ближнего, при посредстве бабки своей, быв-

шей генерал-лейтенантши, а ныне лишенной по Высочайшему повелению прав, состояния Елизаветы Белавиной».

В отношении наложенного на поручика Граве за Белавину взыскания — утвердить его во всей силе.

За вышеописанные, противозаконные поступки Граве по 697 и 735 статьям XV тома Законов уголовных следовало подвергнуть положенному наказанию, но как эти поступки сделаны до Всемилостивейшего манифеста, состоявшегося 16 апреля 1841 года, с которым последовало сего числа определение, то осуждение Граве здесь и оставлено»²⁶.

«Апелляционная жалоба, как не имеющая законных оснований, оставлена без уважения»²⁷. От уголовного наказания Граве был осво-

божден, однако, как гласит статья 102 части 2 Устава о банкротах, «прежняя публичная доверенность»²⁸ возвращается к банкроту после полной оплаты долга.

Произведен ли в данном деле окончательный расчет с кредиторами, к сожалению, не известно. Устав о банкротах не определял срок для окончания конкурсного производства, что, несомненно, было на руку должнику (дела длились бесконечно долго, а кредиторы ничего не получали). Как отмечал профессор Г.Ф. Шершеневич, при хорошем устройстве конкурсного производства кредиторы всегда предпочитают раздел имущества, которого они добивались при самом открытии производства»²⁹. ■

²⁴ Лист дела 157.

²⁵ Лист дела 157 (оборот).

²⁶ Листы дела 163, 163 (оборот).

²⁷ Лист дела 163 (оборот).

²⁸ Полное собрание Законов Российской империи с 1649 г. В 45 т. Т. 26. СПб., 1830. С. 472.

²⁹ См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 425.